

3.

37.

III.

57.

II.

3.

№

64.

Г. К. Буголавецкій.

Черниговская Семинарія
пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

(Изъ воспоминаній б. семинариста).

ЧЕРНИГОВЪ.
ЕПАРХІАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1915.

Г. К. Бугославскій.

Черниговская Семинарія 50 лѣтъ назадъ.

(Изъ воспоминаній быв. семинариста).

ЧЕРНИГОВЪ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІА.

1915.

Печ. дозв.: 14 марта 1915 г. Цензоръ, Ректоръ Черниговской духовной Семинаріи
Протоіерей *Василій Сокольскій*.

Дозволено военною цензурою.

Черниговская Семинарія 50 лѣтъ назадъ.

(Изъ воспоминаній б. семинариста).

I. Въ Черниговскомъ Духовномъ Мужскомъ Училищѣ.

Въ 1857 г. мнѣ исполнилось 10 лѣтъ. Надо было подумывать о моемъ образованіи, т. е. объ опредѣленіи въ какое-либо учебное заведеніе. Такъ какъ я былъ сынъ священника, хотя и военнаго, то типъ учебнаго заведенія, въ коемъ я долженъ былъ начать свое образованіе само собою опредѣлялся: это должно быть Духовное Училище. Ближайшее Училище къ селу Комаровкѣ, Борзенскаго у., гдѣ я по смерти отца проживалъ у своего старшаго брата, священника названнаго села, было Черниговское, а потому, естественно, я и долженъ былъ поступить въ это училище. Для поступленія въ Дух. училище, въ 1-й классъ его требовалось немного въ то время: умѣніе лишь читать и писать по-русски, читать по славянски, да знать молитвы утреннія и вечернія. Я вполне обладалъ этими познаніями, вслѣдствіе чего для поступленія въ Училище не было препятствій.

Пріѣхавъ съ братомъ въ Черниговъ, мы отправились на квартиру смотрителя Училища священника Озерова. Послѣдній слегка проэкзаменовалъ меня и объявилъ, что я буду принятъ въ Училище. Послѣ этого братъ принялся за пріисканіе для меня квартиры. Въ то время почти все ученики Училища и Семинаріи жили на окраинѣ города

за Семинаріей по старой Петербургской дорогѣ въ мѣстности подѣ названіемъ „Березки“. Квартиры эти помѣщались въ домахъ мѣстныхъ мѣщанъ и содержались частью домовладѣльцами, а главнымъ образомъ разными вдовами сельскихъ священниковъ, которыя, овдовѣвъ, перебирались съ дѣтьми въ Черниговъ, снимали здѣсь у какого-нибудь мѣщанина домъ или два съ кухней, весьма скромно мебелировали ихъ и помѣщали въ нихъ квартирантовъ—учениковъ. Во главѣ такого рода квартиры, въ качествѣ воспитателя и репетитора, квартирная хозяйка, по рекомендаціи Училищнаго и Семинарскаго начальства, принимала какого-либо хорошаго ученика вышенаго класса Семинаріи, главнымъ образомъ изъ богослововъ, который назывался инспекторомъ. Въ одной изъ такихъ квартиръ, кажется въ домѣ мѣщанина Познякова, при выѣздѣ изъ города по Петербургскому тракту, братъ и помѣстилъ меня. Хозяйка ея была какая-то вдова, а въ качествѣ инспектора былъ богословъ Ляхницкій (кажется Василій), чловѣкъ толковый, энергичный и знающій свое дѣло. Помѣщеніе квартиры было неважное. Во флигелѣ, въ которомъ она помѣщалась, было 2 порядочныя комнаты съ низкимъ потолкомъ, съ отдѣльнымъ ходомъ, и небольшая комната съ кухней при ней. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась квартирная хозяйка, а для учениковъ сдавались 2 большія комнаты. Видъ квартиры былъ неважный, не только снаружи, но и изнутри. Вдоль стѣнъ поставлены были деревянныя плохенькія кровати, сколько можно было помѣстить. Посрединѣ комнаты стоялъ большой столъ, по сторонамъ его простыя скамейки и нѣсколько простыхъ табуретовъ. Этотъ столъ служилъ для занятій учениковъ, на немъ же совершали они и трапезу. Въ одной изъ комнатъ въ лучшемъ мѣстѣ стояла кровать инспектора. Подобная квартира со столомъ и мойкой

бѣля стоила деньгами 40 руб. въ годъ, равнявшійся 10 мѣсяцамъ, безъ Рождественскихъ и Пасхальныхъ праздниковъ, за кои приплачивалось особо 3 рубля. Впрочемъ, большинство учениковъ деньгами вносило лишь половину означенной платы—20 руб., а на остальную сумму доставляли натурой провизию: нѣсколько пудовъ муки ржаной и пшеничной, крупы (гречневой, ячневой и пшенной), 1 п. сала (тогда оно было недороже 8—10 коп. фунтъ), нѣсколько фунтовъ масла постнаго и т. п. Хозяйка давала намъ въ скоромные дни: утромъ, на завтракъ, по небольшому куску сала, въ 12 ч. обѣдъ, состоящій въ будніе дни изъ двухъ блюдъ—борща и супа съ небольшимъ кускомъ мяса на всѣхъ, и вечеромъ на ужинъ—борща и гречневой каши съ саломъ. По субботамъ на завтракъ устраивались гречневые изъ темной муки блины съ саломъ. Въ постные дни на завтракъ давался только черный хлѣбъ съ солью и, въ видѣ особой милости хозяйки или кухарки—луковица. Обѣдъ и ужинъ были обычные, только постные (на коноплянномъ маслѣ, безъ рыбы). Рыба давалась только въ праздничные постные дни и то изрѣдка и мелкая. Въ воскресные и праздничные дни полагалось на обѣдъ 3 блюда—борщъ, жаркое, а на третье блюдо—въ скоромные дни—молочная каша или вареники. Чаю въ то время никто не получалъ, чаепитіе считалось роскошью и устраивалось на свой счетъ, обыкновенно, послѣ обѣда, въ складчину, и то изрѣдка. Для этого покупались: 1 лоть чаю, $\frac{1}{2}$ ф. сахара и черствая французская булка. Не смотря на такое питаніе, съ точки зрѣнія теперешнихъ учениковъ училищъ невозможное, мы хотя и чувствовали иногда припадки голода, но слабостью здоровья не страдали, были здоровы и въ больницу поступали въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Смертные случаи среди учениковъ были рѣдки. Въ мое 12-лѣтнее

пребываніе въ Училищѣ и Семинаріи смертныхъ случаевъ было не болѣе двухъ.

Инспектору квартиры, занимавшемуся съ учениками, полагалась съ ученика особая плата по 7—8 руб. въ годъ, кромѣ того его бесплатно содержала квартирная хозяйка. Освѣщеніе—сальныя свѣчи доставлялъ намъ инспекторъ; онъ ихъ покупалъ на деньги, которыя ему давали, на сумму до 1 рубля. Обязанности инспектора—репетитора заключались въ присмотрѣ на дому за поведеніемъ учениковъ, онъ же слѣдилъ за приготовленіемъ ими уроковъ, вечеромъ разъяснялъ ихъ, а утромъ обыкновенно спрашивалъ заданное. Незнаніе уроковъ наказывалось; получали, такъ называемые, „пали“—удары линейкой по ладонямъ, оставляли безъ завтрака, безъ обѣда, помимо того наказанія, которому подвергались ученики отъ учителя.

Мужскія Духовныя Училища состояли изъ 3-хъ классовъ или отдѣленій—низшаго, средняго и высшаго. Въ каждомъ классѣ обучались по 2 года. Ученіе шло до обѣда съ 8 ч. утра до 12 ч. дня—2 урока, и послѣ обѣда съ 2-хъ до 4-хъ; каждый урокъ продолжался два часа. Духовное Училище помѣщалось въ то время въ одномъ зданіи съ Дух. Семинаріей и какъ бы составляло часть ея. Семинарскія зданія и училищныя помѣщались тамъ-же, гдѣ и теперь находится Семинарія, на берегу р. Стрижня. Но только видъ семинарскихъ зданій былъ совершенно иной. Семинарская усадьба, какъ извѣстно, довольно обширна. Тамъ, гдѣ теперь стоятъ главныя зданія Семинарскія, въ то время стояли три отдѣльныя зданія. Одно ближе къ улицѣ, гдѣ теперь квартира о. ректора, было 2-хъ-этажное каменное. Высота перваго этажа была достаточная, но 2-ой этажъ имѣлъ низкій потолокъ и маленькія окна. Въ немъ въ лѣвомъ отдѣленіи нижняго

этажа находилась квартира инспектора Семинаріи, который и завѣдывалъ всѣми зданіями и порядками въ Училищѣ и Семинаріи. Напротивъ—комната и канцелярія эконома, который былъ общій для Училища и Семинаріи, а наверху—канцелярія семинарская. Посрединѣ двора стояло 2-хъ-этажное высокое зданіе съ пристроенной впереди посрединѣ 4-хъ-угольной башней, служившей въ нижнемъ этажѣ входомъ, такъ называемый „вестибюль“, а въ верхнемъ помѣщался балконъ. Въ каждомъ этажѣ было по 3 комнаты, изъ нихъ двѣ довольно большія, а третья небольшая. Въ верхнемъ этажѣ помѣщались 3 класса Дух. Училища, а въ нижнемъ 3 класса Семинаріи: риторика, или словесность, философія и богословіе. Зданіе это по архитектурѣ было довольно величественное, помѣщенія высокія и свѣтлыя, но содержались въ отчаянномъ видѣ. Штукатурка мѣстами была отбита, само оно давно было крашено и потому видъ имѣло грязный. Съ лѣвой стороны этого зданія помѣщался двухъэтажный деревянный корпусъ съ заколоченными дверьми и окнами. Это бывшее общежитіе казеннокоштныхъ семинаристовъ и учениковъ училища или, такъ называемая, „бурса“. Ко времени моего поступленія въ училище бурса по ветхости зданія была закрыта и бѣднымъ ученикамъ и сиротамъ вмѣсто полнаго содержанія выдавалось пособіе: ученикамъ Училища по 22 р. въ годъ, а ученикамъ Семинаріи по 34 рубля. Учебныя же пособія по прежнему были казенныя; я, какъ сирота и сынъ военнаго священника, имѣлъ право на казенное содержаніе и вмѣсто такого получалъ означенное пособіе, какъ въ Училищѣ, такъ и въ Семинаріи, до открытія въ концѣ 60-хъ годовъ семинарскаго общежитія. Означенное пособіе плюсъ маленькая пенсія отпускались на меня до 18-лѣтняго возраста въ суммѣ 16 р. съ коп. въ годъ и служило матери

значительнымъ подспорьемъ при содержаніи меня въ Училищѣ и Семинаріи; ей приходилось лишь одѣвать меня и платить репетитору. Кромѣ означеннаго полнаго пособія выдавались и половинныя (11 и 17) руб. тѣмъ ученикамъ сиротамъ, которые плохо учились или которые по полученнымъ Правленіемъ Училища и Семинаріи свѣдѣніямъ имѣли какія-либо свои средства.

Сзади бывшаго общежитія и главнаго учебнаго корпуса помѣщалось одноэтажное каменное зданіе съ большой кухней, служившей въ свое время для бурсы, въ это же время въ этомъ корпусѣ жили семинарскіе сторожа. Сзади означеннаго зданія находился садъ и въ немъ, въ дальнемъ углу—баня, больница и помѣщеніе для чешоточныхъ или прокаженныхъ, какъ обыкновенно звали ихъ.

Всѣ эти зданія были деревянныя, небольшія. Баня служила только для больныхъ. Семинарская церковь помѣщалась тамъ, гдѣ и теперь, только видъ ея былъ совершенно иной. Она имѣла видъ одноэтажнаго каменнаго дома съ мезониномъ. Церковь помѣщалась внизу въ основномъ зданіи, а на верху въ мезонинѣ—семинарская фундаментальная библіотека, всегда бывшая закрытой и внушавшая намъ, мальчикамъ, страхъ, такъ какъ среди насъ носился слухъ, что эта библіотека заклятая, что въ ней имѣются чернокнижныя писанія, по которымъ можно было вызвать дьявола. Основаніе этой библіотеки приписывали какому то Барковскому, который будто бы занимался чернокнижіемъ.

Въ общемъ видъ Семинаріи и Дух. Училища въ то время былъ неважный вслѣдствіе плохого содержанія зданій ихъ. Видъ Семинаріи, снятый художникомъ Н. Н. Дмитріевымъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, изъ-за рѣчки Стрижня масляными красками на полотнѣ, былъ подаренъ ректору Евгенію, но такъ какъ этотъ

видъ не могъ служить украшеніемъ ректорскихъ покоевъ, то ректоръ сдалъ его въ канцелярію Семинаріи, гдѣ я въ послѣдній разъ и видѣлъ его. Гдѣ онъ теперь, не знаю, но интересно разыскать его и издать для сравненія съ настоящимъ видомъ Семинаріи.

Училищные классы, какъ замѣчено выше, помѣщались въ главномъ среднемъ корпусѣ въ верхнемъ этажѣ. Въ каждомъ этажѣ было по 3 комнаты и передней. Двѣ комнаты обращались въ сторону ручья Стрижня и сада и были большія, а 3-я—въ сторону небольшого каменнаго флигеля вдвое меньше. Въ большихъ комнатахъ помѣщались въ верхнемъ этажѣ 1 и 2 классы или отдѣленія училища, а въ меньшей 3-е отдѣленіе.

По открытіи учебныхъ занятій въ первыхъ числахъ сентября, я съ другими сотоварищами подъ руководствомъ старшихъ учениковъ отправился въ классы. Собралось насъ много и всѣ почти парты, которыми былъ наполненъ классъ, оказались заняты учениками. Насъ, я думаю, было человекъ 100. Комната была высокая, свѣтлая и воздуху для насъ, малышей, хватало. Зимой, правда, было неособенно тепло, да и трудно было нагрѣть такую большую комнату, при помощи обычной огрѣваемой печи. Но все-таки температура была сносная, тѣмъ болѣе, что мы сидѣли въ классахъ въ той одеждѣ, въ которой приходили, не раздѣваясь. Вотъ только писать зимой было не совсѣмъ удобно.

Въ то время Дух. Училище въ экономическомъ отношеніи было несамостоятельно,—оно тѣсно было связано въ этомъ отношеніи съ Дух. Семинаріей, которая ремонтировала зданія, отопливала ихъ и содержала для этого штатъ служащихъ. Въ учебномъ отношеніи оно хотя и подчинено было Семинарскому Правленію, какъ учрежденію, надзирававшему за нимъ, но управленіе Училищемъ и

училищный составъ были самостоятельны. Когда я поступилъ въ училище, смотрителемъ его былъ священникъ Озеровъ, впрочемъ недолго, года 2, затѣмъ онъ умеръ; инспекторомъ его—Федотъ Ивановичъ Дорошевскій, называвшійся просто „Федотъ“, учителемъ русскаго языка былъ А. Ф. Романовъ, онъ же по прозвищу учениковъ „коклесъ“—вслѣдствіе того, что былъ кривъ на одинъ глазъ, учителемъ ариѳметики Акимъ Огіевскій, прозванный почему-то учениками „гицелемъ“, его звали просто Акимомъ; греческій языкъ преподавалъ инспекторъ Дорошевскій; латинскій языкъ во 2 и 3 отдѣленіяхъ—смотритель Училища Озеровъ, онъ же преподавалъ и Зак. Божій. Кромѣ этихъ учителей въ 1-мъ классѣ или низшемъ отдѣленіи былъ свой особый учитель Рожалинъ; онъ обучалъ чтенію и письму, нотному пѣнію и преподавалъ Законъ Божій.

Къ тому времени, какъ я поступилъ въ училище, благодаря новому вѣянію, розги почти вывелись изъ употребленія, а равно и другія жестокія наказанія; слухъ о нихъ еще носился, но въ видѣ живого преданія. Напримѣръ, въ преддверной башнѣ въ верхнемъ этажѣ висѣлъ безъ всякаго дѣйствія колокольчикъ. Съ этимъ колокольчикомъ связано было преданіе, что подъ нимъ въ присутствіи учениковъ всѣхъ 3-хъ отдѣленій жестоко наказывали учениковъ розгами за особенно выдающіеся проступки („сѣкли подъ колокольчикомъ“). Въ мое время колокольчикъ ни разу не беспокоили съ этою цѣлью, и входъ къ самому помѣщенію, гдѣ онъ висѣлъ, былъ воспрещенъ подъ предлогомъ ветхости пола. Съ каждымъ учителемъ связаны были особыя довольно непріятныя воспоминанія. Напримѣръ, рассказывали объ особой жестокости, которую проявляли будто бы учителя Романовъ и Дорошевскій при наказаніи учениковъ розгами. Такъ о Рома-

новѣ рассказывали, что, присутствуя съ особой любовью при наказаніи розгами, онъ при этомъ будто-бы кричалъ экзекутору: „комлемъ его, комлемъ!“, т. е. требуя этимъ бить наказуемаго толстымъ концомъ прутьевъ. Много рассказывали, какъ о жестокомъ учителѣ—про Дорошевскаго. Но въ мое время ни одинъ изъ нихъ не прибѣгалъ къ тѣлесному наказанію, а Дорошевскій, напротивъ, былъ очень милымъ покладистымъ учителемъ, хотя былъ требователенъ.

Учитель Огіевскій не пользовался среди учениковъ никакимъ престижемъ, какъ учитель; называли его просто Акимомъ, а то и „гицелемъ“. Учитель 1-го отдѣленія Рожалинъ былъ человѣкъ добрый, снисходительный,—не смотря на то, что ему приходилось возиться со 100 учениками, изъ которыхъ многіе были очень плохо подготовлены—весьма слабо читали и писали, и съ ними надо было заниматься особо. Учителемъ онъ пробылъ меньше 2-хъ лѣтъ,—оставилъ учительство и сдѣлался священникомъ въ какомъ-то селѣ. Къ тѣлесному наказанію онъ тоже не прибѣгалъ, только одинъ разъ, выведенный изъ терпѣнія плохими успѣхами учениковъ въ нотномъ пѣніи, онъ прибѣгъ къ розгамъ и то каждому ученику досталось не больше 3-хъ ударовъ. Я совершенно случайно избѣжалъ этого наказанія.—Дѣло въ томъ, что насъ обучали по старинному нотному обиходу, гдѣ пѣть начинали не съ „до и ре“, какъ теперь вездѣ принято, а съ „уть, ре, уть, ре, ми, фа, соль“ и такъ далѣе. Ходъ обученія былъ таковъ: сначала пѣли ноты въ разномъ видѣ и въ разномъ сочетаніи ихъ, затѣмъ пѣли псаломъ „Благослови душе моя“.., а потомъ переходили къ догматикамъ. И вотъ на первомъ догматикѣ: „Всемирная слава“ всѣ мы и застряли. Начало догматика мы кое-какъ усвоили, но съ середины стали путать и не могли усвоить нѣкоторыхъ

переходовъ. Бился, бился Рожалинъ съ нами и никакъ не могъ достигнуть желаемаго успѣха. Наконецъ, объявилъ, что если къ такому-то дню мы не усвоимъ чего слѣдуетъ, то онъ будетъ съчъ не усвоившихъ. И вотъ, многіе и пострадали изъ-за этого догматика. Чуть ли не я одинъ уцѣлѣлъ въ классѣ, и то случайно. Въ то время для пополненія Императорской капеллы разъѣзжали по Россіи регенты и набирали лучшіе голоса. Малороссія съ давнихъ поръ славилась своими голосами, а потому регенты охотно посѣщали ее. Зная эти наѣзды столичныхъ регентовъ, мѣстные регенты всегда скрывали отъ нихъ своихъ лучшихъ пѣвцовъ и столичнымъ регентамъ приходилось иногда наѣзжать инкогнито. Вотъ въ одно осеннее утро въ нашъ классъ на 2-й урокъ пришелъ со скрипкой столичный регентъ и съ разрѣшенія учителя сталъ пробовать голоса учениковъ. Регентъ почему-то остановился на мнѣ и по испытаніи подъ скрипку голоса взялъ меня съ собою на домъ, чтобы испытать мой голосъ еще разъ, и продержалъ меня у себя дня 3. Вотъ благодаря этому я и избѣжалъ наказанія розгами за „всемірную славу“.—При вторичномъ испытаніи меня регентъ нашелъ въ голосѣ моемъ какіе-то недостатки и освободилъ меня. Изъ испытанныхъ мальчиковъ онъ взялъ съ собою въ Питеръ въ то время только одного, кажется, Льва Крещановскаго, альта. Лѣтъ черезъ пять послѣ потери голоса—онъ возвратился въ Черниговъ и продолжалъ образованіе, но не долго: бѣшенная собака покусала его и онъ умеръ отъ водобоязни. Пребываніемъ въ Питерѣ въ Импер. хорѣ Крещановскій былъ очень доволенъ и съ восторгомъ воспоминалъ жизнь свою въ Петроградѣ. Къ концу пребыванія моего въ Семинаріи разъѣзды регентовъ прекратились.

Кромѣ розгъ, употреблявшихся при мнѣ весьма рѣдко, только въ исключительныхъ случаяхъ, въ классахъ прак-

тиковались слѣдующія наказанія: стояніе на колѣняхъ, дранье за волосы или за уши и оставленіе въ классѣ на время обѣденнаго перерыва, т. е. безъ обѣда.

Въ классѣ я занималъ мѣсто на одной изъ переднихъ скамеекъ. Сосѣдями моими были, съ одной стороны, Александръ Левицкій, жившій со мною на одной квартирѣ—(онъ не окончилъ Семинаріи, вышелъ изъ перваго класса Семинаріи и служилъ на желѣзной дорогѣ начальникомъ станціи). Съ другой стороны—возлѣ меня сидѣлъ Ѳ. П. Микулинскій; онъ окончилъ Семинарію, поступилъ въ Нѣжинскій кн. Безбородко Лицей, окончилъ его и теперь состоитъ членомъ Петроградскаго окр. суда. Соѣдство по классу сблизило насъ и мы жили довольно дружно до перехода въ Семинарскіе классы.—Впослѣдствіи я близко сошелся съ П. М. Слоницкимъ, сблизила насъ любовь съ чтенію и картинкамъ, а затѣмъ съ А. А. Лапчинскимъ—нынѣ протоіерей въ одномъ изъ Стародубскихъ храмовъ. Еще позже въ 3-мъ отдѣленіи я близко сошелся съ А. М. Фіалковскимъ—даровитымъ юношей, много читавшимъ и обладавшимъ даромъ слова. Но Семинарію онъ не окончилъ, поступилъ на службу на желѣзную дорогу, занялся здѣсь подрядами, тогда это было въ модѣ, и гдѣ онъ теперь—не знаю. Обстановка классовъ была обычная, кромѣ партъ (скамеекъ), стояли въ классѣ учительскій столикъ со стуломъ и черная классная доска. Но послѣдняя первое время была вовсе безъ употребленія.

Урокъ долженъ былъ продолжаться 2 часа, $\frac{1}{2}$ часа или около того шло на перемѣну. По звонку ученики усаживались въ классѣ и должны были въ полномъ молчаніи ожидать прихода учителя. За порядкомъ въ классѣ слѣдилъ лучшій ученикъ вышаго отдѣленія, назначаемый Смотрителемъ или Инспекторомъ и назывался онъ дежур-

нымъ. Учителя обыкновенно запаздывали своимъ приходомъ въ классъ. По приходѣ, они прежде всего брали класный журналъ, въ которомъ, такъ называемые, аудиторы отмѣчали знанія своихъ поднадзорныхъ. Классъ дѣлился на множество мелкихъ группъ, и каждая группа поручалась одному какому-либо—изъ разряда лучшихъ учениковъ, который и назывался аудиторомъ. На обязанности аудитора лежало спросить во время перерыва заданный урокъ у вѣренныхъ ему учениковъ—и въ случаѣ плохого знанія сдѣлать о томъ отмѣтку въ журналѣ. Вотъ учитель прежде всего разсматривалъ этотъ журналъ, вызывалъ тѣхъ учениковъ, относительно коихъ стояли плохія отмѣтки, и если протеста противъ отмѣтки не дѣлалось, то не успѣвшіе въ занятіяхъ ученики ставились въ уголъ на колѣни до конца урока. Затѣмъ учитель спрашивалъ заданный урокъ кого-либо изъ лучшихъ учениковъ, задавалъ урокъ на слѣдующій разъ по принятому учебнику безъ всякихъ разъясненій. Если же оставалось еще время, то молча ходилъ по классу въ ожиданіи звонка, а мы все должны были молча и тихо сидѣть. Нарушившій тишину подвергался взысканію при помощи „волосотряски“ или ставился на колѣни. Такой же методъ преподаванія практиковался и на урокѣ ариѳметики. Никакихъ примѣровъ и задачъ не рѣшали и ученики къ доскѣ вовсе не вызывались, и даже не задавались на домъ примѣры и задачи. Какимъ способомъ ученики практически усвоили 4 правила дѣйствій, я не могу себѣ объяснить. Знаю только, что благодаря такому методу преподаванія ариѳметики я совершенно забылъ то, что зналъ до поступленія въ училище, а зналъ я все 4 дѣйствія простыхъ и именованныхъ чиселъ и могъ рѣшать простыя задачи. Какъ-то въ концѣ 2 года пребыванія въ низшемъ отдѣленіи (1 классѣ) учителю Огіевскому пришла

фантазія вызвалъ учениковъ къ доскѣ писать на ней диктуемыя цифры и рѣшать разныя задачи на простыя числа. Ученики оказали весьма плохія познанія. Вызвалъ онъ и меня, далъ два небольшія числа и велѣлъ произвести надъ ними дѣйствіе дѣленія. Я такъ растерялся, что тамъ, гдѣ слѣдовало поставить дѣлимое число, я поставилъ дѣлителя и наоборотъ. Вообще сдѣлалъ величайшую ошибку. Учитель, не говоря ни слова, схватилъ меня за волосы, сильно скрутилъ и отправилъ меня на мѣсто. Долго я не могъ придти въ себя. Мнѣ было стыдно и досадно. При такомъ способѣ преподаванія мы немного могли пріобрѣсти нужныхъ знаній, что отразилось впоследствии. При изученіи языковъ обращалось главное вниманіе на изученіе грамматическихъ формъ: склоненій, спряженій, различныхъ исключеній и пр.

Послѣ обѣденнаго перерыва въ 1-мъ классѣ шель урокъ чистописанія и пѣнія, — обыкновенно подъ конецъ урока пѣніе шло хоромъ, т. е. пѣли всѣ, и если мотивъ былъ не сложенъ, то пѣніе выходило у насъ хорошо, и мы увлекались. — Каждый урокъ начинался и оканчивался молитвой.

Церковныя службы мы слушали въ сосѣдней Вознесенской приходской церкви. — Послѣдняя была расположена противъ главныхъ воротъ Семинаріи, а зимой службу слушали въ теплой Варваринской церкви, стоявшей на одномъ погостѣ съ Вознесенской.

Свободное отъ учебныхъ занятій время мы проводили такъ: въ началѣ осени, весной и лѣтомъ мы совершали прогулки по полямъ, играли въ мячъ, кегли (городки), ходили въ Яловскую рощу, на р. Стрижнѣ, къ сѣверу отъ Чернигова, а зимой развлеченіемъ служила игра въ снѣжки. Иногда устраивались, такъ называемые, „кулачки“, состоявшіе въ томъ, что квартиры ученическія раздѣля-

лись на двѣ партіи и одна партія шла на другую въ рукопашную битву. Въ послѣдней иногда принимали участіе и ученики Семинаріи, даже богословы. Но до большихъ дракъ, оканчивавшихся увѣчемъ и смертью, въ мое время дѣло не доходило; раньше, говорятъ, были случаи увѣчій. Въ маѣ мѣсяцѣ устраивали нѣсколько разъ, такъ называемые, маевки, гулянья въ Яловицкомъ лѣсу съ чаепитіемъ и закуской. Въ ней принимали участіе не только семинаристы всѣхъ классовъ, но и учителя Училища и Семинаріи. Во время этихъ маевокъ ученики сближались съ учителями и между ними устанавливались часто хорошія, сердечныя отношенія. Пребываніе въ низшемъ отдѣленіи (1-мъ классѣ) училища въ общемъ дало намъ мало познаній.—Времяпрепровожденіе на квартирѣ распределяли такъ: вставали часовъ въ 6 утра, умывшись, принимались за повтореніе уроковъ, затѣмъ шла общая молитва, спрашиваніе инспекторомъ уроковъ и завтракъ. Къ 8 ч. мы были въ училищѣ.—По возвращеніи изъ училища послѣ вечерняго урока ученики учили уроки на завтра, занимались съ репетиторомъ, въ 8 час. ужинали, послѣ ужина до молитвы занимались кто чѣмъ хотѣлъ, большею частью разговорами, въ 9 ч. была вечерняя молитва и къ 10 часамъ укладывались спать.

Обученіе въ среднемъ отдѣленіи (2-мъ классѣ) совершалось по тому же методу, что и въ низшемъ, и мы изъ классныхъ занятій въ общемъ вынесли немного. Но это было въ началѣ 60-хъ годовъ. Когда Россія послѣ Севастопольской компаніи подъ вліяніемъ нахлынувшихъ съ запада просвѣтительныхъ идей, начала понемногу просыпаться, явилась потребность въ чтеніи—появились и книги. Въ Черниговѣ открылась публичная бібліотека нѣкогого Кранца. Подписная мѣсячная плата была небольшая—коп. 20 съ книги и мы,—соединяясь въ группы, въ

складчину подписывались на чтение въ библіотекѣ. Я же, соединившись съ товарищемъ Лапчинскимъ, подписался даже на какой-то дешевый иллюстрированный журнальчикъ, стоившій 3 рубля. Начали покупать книги для чтенія.—Все это вмѣстѣ взятое въ общемъ расширяло нашъ кругозоръ и облагораживало насъ. Во 2-мъ классѣ я впервые прочелъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ Гоголя.

Въ этомъ же классѣ смѣнилось нѣсколько учителей, напримѣръ, Огіевскій переведенъ былъ въ другое училище—въ Стародубское или Новгородсѣверское—хорошо не помню. Къ намъ переведенъ былъ инспекторъ изъ Стародубскаго училища. Онъ былъ академикъ и свой предметъ—латинскій языкъ—зналъ хорошо, но педагогическимъ талантомъ не обладалъ и вліяніемъ среди учениковъ не пользовался, причуды же его возбуждали среди насъ смѣхъ. У него было пристрастіе (очевидно подъ вліяніемъ страха простуды) къ своей старой енотовой шинели, съ которою онъ не расставался даже лѣтомъ. Вообразите себѣ полного человѣка лѣтомъ въ жару, идущаго въ енотовой шинели и обливающагося потомъ. На дѣтей это производило особое впечатлѣніе, безъ смѣха не могли смотрѣть на него.—Въ это же время умеръ и Смотритель Училища Озеровъ. Вмѣсто него Смотрителемъ назначенъ былъ инспекторъ Дорошевскій, и изъ него вышелъ прекрасный смотритель съ надлежащею энергіей и тактомъ, на немъ одномъ и держалось училище.—Во 2-мъ классѣ у нѣкоторыхъ учениковъ, очевидно подъ вліяніемъ учениковъ старшихъ классовъ, проявился интересъ къ общественнымъ развлеченіямъ: гулянію по улицамъ, театру и т. п.. Такъ какъ билетъ въ театръ стоилъ—на галерку—20 коп., сумма не для всѣхъ доступная, то любители театра прибѣгали къ разнымъ средствамъ, чтобы бесплатно попасть хотя бы на

последнее дѣйствіе шедшей пьесы. Вліяніе театра отразилось на ученикахъ въ томъ, что въ свободное время на праздники или на масляницѣ устраивали на квартирахъ спектакли, при чемъ текстъ пьесы сочиняли, обыкновенно, сами же актеры и сочиняли каждый по своему вкусу. Ставились, напримѣръ, пьесы: „Каменный гость“ или „Донъ Жуанъ“, въ легкой и своеобразной передѣлкѣ.— Впрочемъ, съ переходомъ въ высшее отдѣленіе, любители поставили на домашней сценѣ „Доходное мѣсто“ Островскаго. Женскія роли исполняли ученики средняго отдѣленія. Разумѣется какъ хожденіе въ театръ, такъ и запрещаемыя въ то время спектакли устраивались безъ вѣдома начальства и даже репетиторовъ. Впрочемъ послѣдніе въ это время смотрѣли на все это сквозь пальцы.

Съ переходомъ въ 3 классъ (высшее отдѣленіе) въ настроеніи большинства учениковъ произошелъ значительный переломъ къ лучшему. До сихъ поръ чтеніе книгъ, взятыхъ не изъ ученической библіотеки, въ которой были книги только духовнаго содержанія, не поощрялось и даже преслѣдовалось, поэтому чтеніе книгъ, взятыхъ изъ общественной библіотеки и состоявшихъ, главнымъ образомъ, изъ разныхъ переводныхъ романовъ—Дюма и др. под. французскихъ писателей, совершалось тайкомъ не только отъ учителя, но и репетиторовъ. Но вотъ въ 3-мъ классѣ появился учитель ариѳметики и русской исторіи Афанасій Петровичъ Корейша, человѣкъ свѣжій, только что окончившій Семинарію и проникнутый уже новыми идеями и взглядами. Онъ признавалъ пользу чтенія книгъ и поощрялъ чтеніе. Когда онъ заканчивалъ свои занятія въ классѣ и оставалось свободное время до звонка, то раскрывалъ принесенную съ собою книгу и что-либо читалъ намъ изъ нея. Въ особенности онъ любилъ читать намъ сочиненія Майнъ-Рида, и мы съ восторгомъ слушали раз-

сказы послѣдняго. Изъ этого чтенія мы составляли себѣ надлежащее понятіе о Сѣв. Америкѣ, о ея безконечныхъ преріяхъ, индѣйцахъ и т. п.—Въ виду благосклоннаго отношенія его къ чтенію мы обыкновенно спрашивали у него совѣта, что намъ читать, и сообразно его указаніямъ брали книги изъ библіотеки Кранца. Онъ нисколько не чуждался учениковъ, напротивъ, старался сходитья съ учениками старшихъ классовъ (3 отдѣленія) и давалъ намъ весьма полезныя совѣты и учебныя указанія, помогалъ намъ въ нашихъ занятіяхъ, облегчалъ ихъ на сколько можно было. Мы все любовно относились къ нему и сохраняли самыя пріятныя воспоминанія о немъ.—Къ этому же времени относятся и существенныя измѣненія въ постановкѣ образованія въ Семинаріи. Преосвященный Павелъ, старикъ, при которомъ я поступилъ въ Духовн. Училище, умеръ. Онъ никогда при мнѣ и не бывалъ ни въ Семинаріи, ни, тѣмъ болѣе, въ Училищѣ. На мѣсто его переведенъ былъ изъ Харькова Преосвящ. Филаретъ. Инспекторъ Семинаріи Феофилъ, жившій въ одномъ изъ зданій Семинаріи и не пользовавшійся никакимъ значеніемъ и вліяніемъ, былъ куда то переведенъ. Ректоръ Семинаріи Архимандритъ Васіанъ, жившій въ Елецкомъ монастырѣ и лишь изрѣдка—разъ въ недѣлю—въ субботу—пріѣзжавшій на четверкъ буланыхъ лошадей цугомъ въ каретѣ въ Семинарію дать урокъ въ классѣ богословія, былъ назначенъ Екатеринбургскимъ епископомъ. На мѣсто его былъ назначенъ молодой, энергичный Евгеній, поселившійся въ помѣщеніи, которое раньше занималъ инспекторъ Феофилъ. Инспекторомъ Семинаріи былъ назначенъ іеромонахъ Веніаминъ, аскетъ и человѣкъ весьма добрый. Существовавшихъ въ Семинаріи и Училищѣ порядковъ, разумѣется, не могли одобрить ни Преосвященный Архіерей Филаретъ, ни ректоръ Евгеній. Надо было освѣжить Се-

минарію во всѣхъ отношеніяхъ, а для этого надо было прежде всего улучшить матеріальное положеніе учителей. А положеніе ихъ было весьма незавидное! Напримѣръ, учитель 1-го класса, нисшаго отдѣленія Рожалинъ получалъ всего 120 руб. въ годъ, учителя Училища не болѣе 300 руб.—Учителя Семинаріи получали немного болѣе. Такъ какъ получаемого содержанія было недостаточно для сколько нибудь приличнаго существованія, то нѣкоторые учителя, напримѣръ, Огіевскій, Романовъ—содержали ученическія квартиры и съ учениковъ получали порядочные по тому времени деньги. Преосвященный Филаретъ прежде всего увеличилъ жалованье учителей изъ мѣстныхъ средствъ при помощи сбора съ церковей. Затѣмъ надо было привести въ порядокъ страшно запущенныя зданія Семинаріи и расширить ихъ. Вотъ тутъ энергія ректора Евгенія и проявилась во всей своей широтѣ. Но это случилось тогда, когда я поступилъ уже въ Семинарію.

Учебными пособіями въ Училищѣ служили: по русской исторіи краткая исторія Четрякова, по географіи соч. Ободовскаго, по русскому языку русская грамматика Греча, по латинскому и греческому языкамъ какія-то очень краткія руководства. По ариѳметикѣ тоже. Учебныя книги ученики, получавшіе пособіе, имѣли бесплатно изъ училищной библіотеки съ обязательствомъ сдать ихъ въ цѣлости обратно въ библіотеку. Благодаря этимъ учебникамъ и штату учителей ученики при окончаніи Духовнаго Училища и поступленіи въ Семинарію обладали небольшими знаніями. Впрочемъ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ мы успѣвали достаточно, легкіе переводы могли дѣлать; напримѣръ, съ греческаго языка могли переводить евангеліе, съ латинскаго языка соч. Корнелія Непота. Научались рѣшать нетрудныя ариѳметическія задачи, писать по

русски безъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ.—Свои скромныя познанія мы расширяли внѣкласснымъ чтеніемъ и обычными среди учащихся спорами на разныя научныя темы.—Къ сожалѣнію долженъ сказать, что любителей чтенія среди насъ было немного. Большинство учениковъ ограничивалось тѣми познаніями, какія давали имъ учебники и объясненія учителей въ училищѣ.—Лучшимъ первымъ ученикомъ въ нашемъ классѣ все время шелъ Ник. Еп. Костылевъ—сынъ священника Максаковского единобѣрскаго монастыря. Въ числѣ первыхъ онъ значился и въ спискѣ при поступленіи въ Семинарію. Но въ Семинаріи онъ потерялъ первенство, выдвинулись уже другіе...

Въ числѣ любимыхъ развлеченій нашихъ было пѣніе пѣсенъ. Пѣли по преимуществу русскія, а не малорусскія пѣсни. Послѣднія вошли у насъ въ моду, когда я былъ уже въ высшемъ отдѣленіи (3 классѣ) подъ влияніемъ малорусскаго или, какъ теперь называютъ, украинскаго движенія. Движеніе это совпало съ польскимъ возстаніемъ 60-хъ годовъ и очевидно находилось въ связи съ этимъ возстаніемъ. Тогда же начали носить и малорусскіе народные костюмы: широкіе синіе шировары, вышитыя рубахи, сивыя шапки и т. п.

Изъ русскихъ пѣсенъ любимыми нашими пѣснями были: въ 1-мъ классѣ (въ низшемъ отдѣленіи): „Бѣдилъ бѣлый рускій Царь, православный Государь, изъ своей страны далекой сына провожать“, „Среди долины ровныя на гладкой высотѣ“ (извѣстная пѣсня Мерзлякова), „Изъ-за облакъ мѣсяцъ ясный сталъ и смотрится въ рѣкѣ, сквозь туманъ и мракъ ужасный путникъ ѣдетъ въ челнокѣ“. Въ среднемъ отдѣленіи (2 кл.) любимой пѣснейю была: „Воздушный корабль“ Лермонтова—„По синимъ волнамъ океана“. Лѣтомъ любили ходить на р. Десну ку-

паться, рыбу удить, кататься по рѣкѣ. Въ праздничные дни любили ходить въ городской садъ слушать музыку, любоваться на танцы горожанъ въ открытомъ садовомъ павильонѣ. Изъ русскихъ романовъ нашимъ любимымъ въ классахъ былъ романъ Загоскина „Юрій Милославскій“. Въ особенности сильное впечатлѣніе на насъ производила сцена кормленія Милославскимъ какого-то польскаго офицера въ корчмѣ жаренымъ гусемъ. Въ среднемъ и высшемъ отдѣленіи мы читали романы Сю, Дюма, сочиненія Майнъ-Рида.

✓ Ученической формы въ то время не было. Каждый ученикъ Училища и Семинаріи носилъ ту одежду, которая доступна была его средствамъ, и потому разнообразіе въ одеждѣ было изумительное какъ по формѣ, такъ и по цвѣту.—Въ началѣ учебнаго года одежда эта была хотя и разнообразная, но все еще въ порядкѣ—цѣлая не порванная. Къ концу же года одежда изнашивалась и принимала отвратительный видъ. Когда, кажется, въ 1858 г. Черниговъ посѣтилъ на пути въ г. Кіевъ Государь Александръ II-й, то намъ воспрещено было ходить въ городъ—за р. Стрыжень и вообще было приказано сидѣть дома, чтобы своимъ видомъ не смутить Государя. Ворота же въ Семинарію были наглухо заперты и сторожу, говорятъ, приказано было никого не пропускать даже изъ Государевой свиты для осмотра Семинаріи: въ такомъ запущенномъ видѣ она была.

Теперь скажу нѣсколько словъ о религіозномъ настроеніи товарищей по училищу. Громадное большинство изъ насъ поступило въ училище подѣ вліяніемъ религіознаго настроенія родителей и было поэтому религіозно: въ церковь на богослуженіе ходили аккуратно, безъ принужденія, весьма охотно посѣщали архіерейскія служенія, тѣ приходскія церкви, гдѣ были хорошіе пѣвчіе и благого-

вѣйное служеніе. Въ теченіе года нѣсколько разъ посѣщали гробницу Святителя Θεодосія Углицкаго и съ благоговѣніемъ цѣловали обнаженную въ то время десницу его; весьма любили посѣщать, такъ называемыя, пассіи— великопостныя богослуженія, сопровождавшіяся благолѣпнымъ пѣніемъ— „Придите ублажимъ“, „Тебѣ одѣющагося“, интересовались проповѣдями лучшихъ проповѣдниковъ Черниговскихъ. Проповѣди слушали со вниманіемъ, и онѣ служили потомъ—въ высшемъ классѣ—предметомъ обсужденія. Нѣкоторые ученики старшихъ классовъ предпринимали на пасхальные каникулы паломничество въ Кіевъ къ тамошнимъ святынямъ и, главнымъ образомъ, въ Кіево-Печерскую лавру. Атеистовъ и сомнѣвающихся среди насъ не было и въ Семинарію мы поступили истинно-вѣрующими и религіозно-настроенными.—О себѣ лично могу сказать, что я съ дѣтства былъ религіозенъ, любилъ монашество, охотно посѣщалъ монастыри и бывалъ на монастырскихъ служеніяхъ, хотя склонности къ монашеской жизни не имѣлъ и никогда не стремился къ ней. Посты насъ не тяготили, переносили ихъ легко и на здоровьи нашемъ они не отражались. Во время Великаго Поста по средамъ и пятницамъ утренніе уроки продолжались всего 2 часа по 1 часу урокъ. Въ 10 часовъ по окончаніи 2-го урока мы должны были идти въ Семинарскую церковь и слушать тамъ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ. Великопостное служеніе намъ нравилось, и мы хожденіемъ въ церковь не тяготились.

Къ темнымъ явленіямъ жизни Черниговскаго Дух. Училища моего времени можно отнести только, такъ называемое, „божковство“. Миловидные, по преимуществу бѣлолицыя и румяныя мальчики 1-го отдѣленія провозглашались „божками“ и пользовались общимъ расположеніемъ и ухаживаніемъ. Съ ними старались дружитья, ихъ угощали раз-

ными сластями и щипали за румяныя ихъ щечки. Божковство очевидно развилось въ Училищѣ и Семинаріи подѣ вліяніемъ полнаго отчужденія въ юномъ возрастѣ отъ женскаго общества. По мѣрѣ уменьшенія этого отчужденія и установленія болѣе частыхъ сношеній съ семействами, гдѣ были дѣвочки, божковство стало исчезать и съ переходомъ моимъ въ Семинарію совершенно исчезло.

Б. Въ Черниговской Духовной Семинаріи.

Въ 1863 г. я благополучно окончилъ Черниговское Духовное Училище и безъ экзамена принятъ былъ въ 1-й классъ Черниговской Семинаріи. Было насъ около 60 человѣкъ; кромѣ того человѣкъ 20 поступило въ Семинарію изъ Стародубскаго Училища, да человѣкъ 40 изъ Новгородъ-Сѣверскаго. Всего насъ оказалось въ 1-мъ классѣ Семинаріи человѣкъ 100 или того болѣе.—Обыкновенно 1-й классъ Семинаріи помѣщался въ большемъ классѣ перваго этажа училищнаго зданія подѣ 1-мъ классомъ Училища.—Но такое количество—100 ч. взрослыхъ юношей, какое оказалось у насъ, затруднительно было помѣстить въ одной комнатѣ, а потому Правленіе Семинаріи нашло нужнымъ разбить нашъ классъ на 2 отдѣленія и дать каждому особое помѣщеніе и особыхъ преподавателей. 1-е отдѣленіе, въ которое я попалъ, размѣщено было въ обычномъ помѣщеніи подѣ 1-мъ классомъ нисшаго отдѣленія Училища, а 2-е отдѣленіе—напротивъ, въ помѣщеніи, которое обыкновенно занималъ богословскій классъ. Послѣдній же помѣстили въ меньшемъ каменномъ корпусѣ, въ нисшемъ этажѣ противъ б. квартиры инспектора, въ которой теперь помѣстился вновь назначенный ректоръ Евгений. Въ его управленіе предоставленъ былъ Нѣжинскій мужской монастырь, а потому жить, по примѣру своего предшественника, въ Елецкомъ мона-

стырѣ онъ не имѣлъ права,—жилъ въ Семинарскомъ зданіи и въ Нѣжинскій м—ръ ѣздилъ лишь изрѣдка. Въ томъ же корпусѣ въ верхнемъ этажѣ отведена была квартира Инспектору и еще одному изъ преподавателей Семинаріи. Въ 1-мъ отдѣленіи 1-го класса Семинаріи—словесности или реторики, преподавателями или какъ тогда называли ихъ „профессорами“ были: по словесности (теорія)—Крыжановскій, по исторіи—Дмитріевскій, математикъ и геометріи—Борзаковскій, по священному писанію и исторіи—священникъ Коньевъ, по латинскому языку Инспекторъ; кто намъ преподавалъ греческій языкъ, не помню. Впрочемъ все преподаваніе этого языка заключалось въ переводѣ сначала Евангелія, а затѣмъ Апостола съ греческаго языка на русскій. Во 2-мъ отдѣленіи того же класса преподавателемъ словесности былъ Бѣлоусовичъ, исторіи—Гниповъ, а остальные предметы преподавали тѣже лица, что и въ 1-мъ отдѣленіи, т. е. Борзаковскій, Коньевъ, Инспекторъ. Преподаваніе шло такъ: сначала преподаватель спрашивалъ (по списку) заданный урокъ, затѣмъ объяснялъ новый. Преподаваніе словесности шло по старымъ запискамъ, которыя мы списывали и заучивали; иногда учителя сообщали намъ кое-какія свѣдѣнія изъ новѣйшей литературы по данному предмету; но онѣ не вносились въ записки. Кто составилъ записки по словесности, по которымъ мы учились, и когда, не знаю. Но, видимо—давно, и они изъ года въ годъ переходили по наслѣдству. Всеобщая исторія преподавалась обыкновенно по учебнику Смарагдова.—Произведеніе полѣдняго, состоявшее по преимуществу изъ перечисленія царей и годовъ разныхъ битвъ, заключалось въ 3-хъ довольно обширныхъ томахъ. Содержаніе этой исторіи было довольно скучное и мало интересное. Къ счастью нашему въ это время историкъ Иловайскій выпустилъ свой учеб-

никъ—менѣе обширный, но болѣе содержательный, и мы съ удовольствіемъ промѣняли учебникъ Смараглова на учебникъ Иловайскаго и покупали исторію его на свой счетъ, такъ какъ въ библіотекѣ Семинаріи его учебниковъ еще не было въ достаточномъ количествѣ. Кромѣ того матеріала, который находился въ учебникахъ, учителя иногда добавляли отъ себя факты, заимствованные изъ другихъ источниковъ. Въ особенности славился своими обширными познаніями по исторіи учитель 2-го отдѣленія Гниповъ. Обладая основательной эрудиціей и обширною памятью, онъ свободно и съ увлеченіемъ читалъ свои лекціи по исторіи. Ученики весьма охотно посѣщали его уроки, и на нихъ не рѣдко ходили ученики нашего отдѣленія. Къ сожалѣнію Гниповъ не долго пробылъ въ Семинаріи, онъ перешелъ учителемъ исторіи въ Ростовскую-на Дону гимназію. Вліяніе его на учениковъ было благотворное. Подъ вліяніемъ его лекцій нѣкоторые воспитанники увлекались историч. сочиненіями и прочитывали всеобщую исторію Шлоссера—весьма обширную и обстоятельную, а одинъ, говорятъ, одолѣлъ всѣ 29 томовъ русской исторіи С. М. Соловьева и его сочиненіе объ удѣльныхъ князьяхъ. Въ нашемъ отдѣленіи историкъ Дмитріевскій много уступалъ по познаніямъ и по методу преподаванія Гнипову, хотя и старался подражать ему. Преподаватель словесности въ нашемъ отдѣленіи Крыжановскій, говорятъ, будто бы обладалъ солидными знаніями по своей спеціальности. Но въ классныхъ занятіяхъ онъ не проявлялъ своихъ познаній, лишь подъ конецъ занятій—въ концѣ 2-го года онъ немного оживился и кое-что сообщилъ намъ изъ своихъ познаній. Онъ былъ изъ числа небогатыхъ людей, былъ застѣнчивъ, жилъ весьма скромно и скромно одѣвался. Зимой шубы онъ не имѣлъ, а ходилъ всю зиму въ короткомъ осеннемъ пальто. Въ классѣ

было свѣжо, и онъ, бывало, цѣлый урокъ бѣгаетъ по классу, чтобы согрѣться; говорилъ отрывисто сквозь зубы, на вопросы только словами: „ну-съ“ да „нѣтъ“. Потомъ онъ получилъ наслѣдство послѣ извѣстнаго Орловскаго епископа Смарагда, пріодѣлся, оживился и въ концѣ 2-го года оставилъ службу въ Семинаріи, переѣхалъ на жительство въ Кіевъ. Преподаватель словесности во 2-мъ отдѣленіи Бѣлоусовичъ мало отличался отъ Крыжановскаго. Былъ только поживѣе и общительнѣе, слѣдилъ за литературой и былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ, т. е. сочиненіями его, что въ то время было рѣдкостью. Это я вывожу изъ слѣдующаго: за выходомъ Крыжановскаго въ отставку Бѣлоусовичъ сталъ преподавать словесность и въ нашемъ отдѣленіи. Какъ то задалъ онъ сочиненіе на тему: „Значеніе архитектуры въ исторіи литературы“ или въ родѣ этого что-то. Написали и подали ему свои сочиненія. Черезъ нѣкоторое время Бѣлоусовичъ принесъ сочиненія въ классъ для выдачи. Предъ раздачей сочиненій, онъ нашелъ нужнымъ прочесть одно, какъ выдающееся по мысли и изложенію.—Сочиненіе дѣйствительно было написано прекраснымъ слогомъ—о томъ, какъ готическая архитектура отразилась на стилѣ современныхъ ей писателей. „Прекрасно написано“, добавилъ онъ, „только, къ сожалѣнію, все это буквально заимствовано изъ сочиненія Бѣлинскаго“, и прочелъ выдержку изъ него. Сочиненія Бѣлинскаго въ то время были подѣ запрещеніемъ вообще, а для семинаристовъ въ особенности, и чтеніе его влекло за собой иногда удаленіе изъ Семинаріи. Но знакомство моего товарища съ сочиненіями Бѣлинскаго не повредило ему, и онъ благополучно окончилъ Семинарію. Это былъ тотъ же товарищъ, который одолѣлъ русскую исторію С. Соловьева. Самымъ плохимъ учителемъ былъ у насъ Борзаковскій. Помимо того, что онъ плохо зналъ свои

предметы и плохо преподавалъ ихъ, — онъ былъ какой-то странный, одѣвался въ фантастическіе шутовскіе костюмы, напримѣръ, въ пиджачную пару изъ розовой матеріи и никакимъ значеніемъ среди насъ не пользовался.

По истеченіи 2-хъ лѣтъ — тогда курсы были двухлѣтніе — мы перешли во второй классъ Семинаріи — философію и получили кличку „философы“. Главными преподавателями въ этомъ классѣ были учителя, преподававшіе психологію: въ 1-мъ отдѣленіи священ. Дьяконовъ, а въ 2-мъ — Мозолевскій. Послѣдній былъ молодой, находившійся подъ вліяніемъ современныхъ матеріалистическихъ идей, поклонникъ современной тогда литературы, въ лицѣ сотрудниковъ журнала „Современника“ и будто-бы даже сотрудничавшій въ немъ. Соотвѣтственно своему настроенію онъ велъ и дѣло преподаванія психологіи. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія Ректора, и онъ сталъ коситься на него. Дѣло могло кончиться скандаломъ, но смерть Мозолевскаго предупредила его. Онъ былъ болѣзненный, чахоточный, жилъ впроголодь, въ нуждѣ, все это отразилось на его здоровьи, и онъ въ первую же зиму скончался. Пользовался онъ среди семинаристовъ симпатіями вслѣдствіе обходительности и доступности, и мы весьма сожалѣли о его смерти. Фотографія его сохранилась у меня до сихъ поръ. Преемникомъ его сталъ Дьяконовъ. Послѣдній велъ дѣло преподаванія по старымъ запискамъ и далѣе записокъ не шелъ. По остальнымъ предметамъ были тѣже преподаватели, что и въ первомъ классѣ. Въ общемъ изъ уроковъ или, какъ называли ихъ, лекцій мы мало выносили, за исключеніемъ, разумѣется, такихъ преподавателей, какъ Гниповъ, и мы свои познанія пополняли чтеніемъ разныхъ сочиненій. Намъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ насъ, были знакомы сочиненія по психологіи — Вундта „Одушѣ“, исторія философіи Люиса, пер. 1865 г., соч. Лейбница

въ извлеченіяхъ, по исторіи—монографіи Костомарова, Кудрявцева, Стасюлевича и др. Брала эти сочиненія въ бібліотекѣ Кранца и у частныхъ лицъ. Знакомы были отчасти съ журналомъ „Современникъ“, извѣстны намъ были сочиненія Бѣлинскаго, Добролюбова и даже Чернышевскаго и Писарева. Читалось все это отрывками, безъ всякой системы, тайкомъ. Впослѣдствіи мы ознакомились съ сочиненіями Дрепера, Бокля и Дарвина. Съ духовными же журналами и твореніями о. о. церкви насъ никто не знакомилъ и мы ими не интересовались. Нѣкій интересъ къ нимъ проявился среди насъ уже тогда, когда мы перешли въ богословскій классъ, подѣ влияніемъ лекцій учителя исторіи церкви Докучаева, человѣка молодого, живо интересовавшагося своимъ предметомъ и умѣло излагавшаго свои лекціи—уроки. Благодаря его урокамъ я познакомился съ „Православнымъ Обзорніемъ“ за 1863 г., у меня сохранилась выписка изъ статей этого журнала о материалистахъ, „Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдокія“ (за 1868 г. май мѣсяць) и др.

За время моего пребыванія въ 1-мъ и 2-мъ классахъ Семинаріи (такъ называемыхъ словесности и философіи) внѣшній видъ семинарскихъ зданій и церкви значительно улучшился, и помѣщенія ихъ расширились. По пріѣздѣ своемъ въ Черниговъ, архіерей Филаретъ, человѣкъ умный и энергичный, обратилъ свое вниманіе на внѣшній видъ семинарскихъ зданій и недостаточность помѣщеній, и съ назначеніемъ ректоромъ Семинаріи Евгенія, человѣка энергичнаго, приступилъ къ расширенію семинарскаго помѣщенія. Двухъэтажный деревянный флигель, въ которомъ ранѣе помѣщались казенно-коштныя ученики Семинаріи и училища,—такъ называемая, бурса, былъ снесенъ и на мѣсто его воздвигнуть двухъэтажный каменный довольно обширный и съ виду красивый корпусъ для помѣщенія классовъ Семинаріи и бѣдныхъ учениковъ въ Семинаріи.

Затѣмъ въ среднемъ корпусѣ Семинаріи снесена была башня и на мѣсто ея во всю ширину зданія сдѣлана каменная пристройка, значительно расширившая помѣщеніе зданія. По перестройкѣ послѣдняго—въ немъ устроено было: въ верхнемъ этажѣ помѣщеніе подъ фундаментальную Семинарскую бібліотеку, помѣщавшуюся ранѣе, какъ я и замѣтилъ, надъ семинарскою церковью, а также помѣщено Семинарское Правленіе, канцелярія ея и квартира для служащихъ въ ней письмоводителя и писца; въ среднемъ этажѣ, гдѣ ранѣе помѣщались классы семинарскіе, устроена была, съ одной стороны, квартира ректора Семинаріи изъ 5 комнатъ, а съ другой—столовая для семинаристовъ, жившихъ въ общежитіи; въ нижнемъ этажѣ устроены—въ пристроенной части—квартира эконома, а далѣе—въ старинной постройкѣ—погреба для склада и храненія провизіи. Въ зданіи семинарской церкви—мезонинъ, гдѣ помѣщалась семинарская бібліотека, былъ снесенъ, надъ серединой церкви устроенъ былъ одноглавый куполъ. Вообще церковь приняла тотъ видъ, который она и теперь имѣетъ. Перестройка эта шла въ теченіи двухъ лѣтъ 1864—65 г. и къ 1866 г. была въ общемъ закончена. На время перестройки главнаго зданія, классы переведены были частью въ старый каменный флигель, а частью во вновь устроенный каменный корпусъ: занято было въ немъ нѣсколько комнатъ нижняго этажа. Передѣлка эта совершена была, кажется, на епархіальныя средства, данныя по предложенію архіепископа Филарета церквами и монастырями, а частью собранныя духовенствомъ среди себя, чѣмъ и объясняется быстрота, съ какою она была закончена. Преосвященный Филаретъ обратилъ свое вниманіе также на скудное содержаніе преподавателей Семинаріи и Училища и изъ епархіальныхъ средствъ увеличилъ его значительно. Вообще Черниговская Се-

минарія и Дух. Училище много обязаны ему. Скончался онъ въ августѣ 1866 г. при обзрѣннн епархіи, отъ холеры. Въ августѣ и въ началѣ сентября нѣсколько холерныхъ случаевъ было въ Черниговѣ, умеръ одинъ гимназистъ и семинаристъ или ученикъ Духовн. Училища. Эти случаи дали поводъ ко временному закрытію учебныхъ заведеній въ Черниговѣ, въ томъ числѣ и Семинаріи. Только что собравшимся ученикамъ Семинаріи и Дух. Училища было объявлено, чтобы они возвратились обратно домой и ждали тамъ извѣщенія о новомъ приѣздѣ. Почти всѣ ученики разъѣхались. Осталось въ Черниговѣ очень немного, въ томъ числѣ и я. Съ одной стороны мнѣ не хотѣлось ѣхать домой въ Глуховскій уѣздъ въ виду далекаго пути, а съ другой стороны—въ виду завязавшагося знакомства съ преподавателемъ рисованія и иконописанія художникомъ Н. И. Дмитріевымъ и просьбы его помочь ему въ устройствѣ въ Черниговѣ выставки его картинъ, привезенныхъ имъ изъ Петербурга. Судьба этого художника была довольно жалкая. Онъ былъ сынъ священника Рижской епархіи, гдѣ одно время епископствовалъ Филаретъ.—Послѣдній покровительственно относился къ этому священнику и дѣтямъ его. Помогалъ дать имъ образованіе, благодаря чему старшій сынъ Николай окончилъ Академію художествъ, а второй Иванъ—Петербургскій университетъ. По окончаніи университета онъ занялся литературными работами и принималъ дѣятельное участіе въ изданіи журналовъ „Искры“ и „Будильника“. Третій сынъ Филаретъ поступилъ въ послѣдніе классы Черниговской Семинаріи, учился здѣсь хорошо и былъ посланъ на казенный счетъ въ Московскую Духовную Академію и окончилъ ее. Дальнѣйшей судьбы его не знаю. Оба старшіе Дмитріевы были довольно слабые здоровьемъ и, испытывая матеріальную нужду, стали болѣть. Преосвященный при-

няли участіе въ нихъ и выписалъ сначала художника Николая въ Черниговъ съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ здѣсь мастерскую для иконописи и иконостасовъ, а затѣмъ и литератора Ивана на отдыхъ и улучшенное питаніе. Но чрезъ мѣсяць по пріѣздѣ Николая архіепископъ Филаретъ умеръ, и Дмитріевъ остался какъ ракъ на мели: безъ покровителя и безъ средствъ.—Семинарское Правленіе, главнымъ образомъ ректоръ Семинаріи Евгенийъ, принялъ въ немъ живое участіе,—предоставилъ ему урокъ иконописи въ Семинаріи, оплачивавшійся всего 10 руб. въ мѣсяць и сверхъ того въ старомъ каменномъ флигелѣ предоставилъ ему квартиру о 2-хъ комнатахъ. Впослѣдствіи Дмитріеву удалось раздобыть уроки чистописанія и рисованія въ Черниговской женской гимназіи, гдѣ онъ получалъ около 40 р. въ мѣсяць. На это скромное жалованье онъ и долженъ былъ существовать со своею старухою матерью. Дополнительными средствами существованія служили заработки отъ копій картинъ, которыя онъ привезъ съ собой, и рисованіе портретовъ. Но эти заработки были не велики, да и здоровье Дмитріева не позволяло усиленныхъ занятій. Меньшій его братъ Иванъ—литераторъ—пріѣхалъ въ Черниговъ уже послѣ смерти Филарета, больной въ послѣднихъ градусахъ чахотки, поселился сначала съ братомъ, а потомъ въ одномъ сосѣднемъ селѣ, гдѣ въ скоромъ времени и умеръ въ бѣдности на рукахъ брата. Въ виду бѣдственнаго въ матеріальномъ отношеніи положенія художника Дмитріева, онъ задумалъ устроить въ Черниговѣ художественную выставку своихъ картинъ. Ректоръ предоставилъ ему для этого помѣщеніе фундаментальной бібліотеки Семинаріи и нѣсколько комнатъ въ новомъ зданіи. Ректоръ при этомъ преслѣдовалъ еще особыя цѣли. Въ Черниговѣ разнесся слухъ, что выстроенное новое зданіе Семинаріи и передѣланное старое зданіе—плохи и

угрожаютъ опасностью—падениемъ. Кому надо было распространить подобныя слухи, не знаю. Чтобы доказать лживость этихъ слуховъ, Ректоръ и рѣшилъ показать вновь выстроенное и передѣланное старое зданіе Семинаріи Черниговской публикѣ подѣ благовиднымъ предложениемъ. Для этого онъ и разрѣшилъ Дмитріеву устроить свою выставку въ зданіи Семинаріи. Такъ какъ для устройства выставки и веденія ея: продажи билетовъ, присмотра за картинами на выставкѣ, контроля посѣтителей и присмотра за ними Дмитріеву нужны были помощники, то онъ и обратился ко мнѣ съ просьбой помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Я съ дѣтства питалъ слабость къ картинкамъ и рисованію и потому охотно принялъ предложеніе Дмитріева. Это дѣло сблизило насъ, и дружба наша—иначе я не могу опредѣлить наши близкія, чисто родственныя, отношенія—продолжалась до смерти Дмитріева, умершаго въ г. Нѣжинѣ въ 1870-мъ году въ нуждѣ на рукахъ сестры своей, бывшей замужемъ за Нѣжинскимъ священникомъ Матвѣевскимъ. Въ устройствѣ выставки, т. е. въ установкѣ картинъ принимали дѣятельное участіе ректоръ и инспекторъ. Странно было видѣть, какъ они—оба монаха и при томъ строгой жизни—представляли, носили на рукахъ картины съ игривыми сюжетами. Сюжетъ картинъ нисколько не стѣснялъ ихъ. Въ общемъ выставка удалась, на ней перебывала вся знать, Черниговская интеллигенція. Простой народъ посѣщалъ ее мало. Не смотря на успѣхъ выставки—она дала художнику Дмитріеву немного—рублей около ста при входной платѣ въ 20 коп.. Но такъ какъ устройство ея и веденіе стоило очень мало (онъ сдѣлалъ лишь нѣсколько рамъ на картины), то и полученная сумма послужила для него небольшимъ подспорьемъ. Кромѣ того на выставкѣ продано было нѣсколько картинъ и заказано

нѣсколько копій и портретовъ. Въ сентябрѣ случаевъ смерти отъ холеры въ Черниговѣ не было и потому дано было знать ученикамъ, чтобы они къ началу октября поспѣшили приѣздомъ. Съ приѣздомъ семинаристовъ выставка закрылась, и учебный строй вошелъ въ обычную колею. Съ января 1867 г. открыто было въ новомъ зданіи Семинаріи общежитіе и сюда же перенесены были все семинарскіе классы. Въ старомъ зданіи устроена была столовая и квартира ректора. Чтобы быть ближе къ Дмитріеву и его мастерской, я оставилъ репетиторство, какимъ занимался со 2-го года поступления въ Семинарію, перешелъ въ общежитіе семинарское.—Вновь выстроенное семинарское зданіе было свѣтлое и благодаря амосовскому отопленію довольно теплое, но сыроватое. Въ комнатахъ нижняго этажа размѣщены были классы, а комнаты верхняго этажа отведены были подъ спальни, онѣ же и комнаты для занятій.—Въ каждой комнатѣ былъ назначенъ старшій, который былъ отвѣтственный за порядокъ и чистоту. Старшими назначали лучшихъ учениковъ старшаго богословскаго класса. Исключеніе сдѣлано было почему-то только для меня; въ одномъ изъ номеровъ съ учениками низшихъ классовъ я былъ назначенъ старшимъ. Въ верхнемъ же этажѣ устроена была уборная комната—въ корридорѣ, соединявшемъ новое зданіе со старымъ; въ противоположной сторонѣ къ р. Стрижню находился залъ для собранія воспитанниковъ во время утренней и вечерней молитвы. Обставлено было общежитіе сравнительно недурно; даны были все новыя кровати съ новыми же матрацами, подушками и постельнымъ бѣльемъ. Но относительно питанія было слабо. Завтрака намъ не полагалось, обѣдъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: борща и супа съ небольшимъ количествомъ мяса, на ужинъ тоже два блюда: борщъ и каша. Хлѣба давали достаточно, давали

и квасъ. Въ скоромные дни питаніе было еще кое-какъ, но въ постные дни мы голодали и должны были сами изобрѣтать средства на улучшеніе пищи. Впрочемъ за 34 руб., отпускаяшіеся въ то время на каждого ученика, жившаго въ общежитіи, трудно было и разсчитывать на лучшее питаніе, такъ какъ изъ означенныхъ средствъ шла извѣстная сумма на отопленіе зданія и на содержаніе столовой, число коихъ было увеличено сравнительно съ прежнимъ. Режимъ въ общежитіи былъ не очень строгій; при желаніи, не смотря на запрещенія и разныя мѣры, предпринимавшіяся начальствомъ, уйти ночью изъ зданія было возможно. Въ первый же годъ существованія общежитія случилась большая неприятность. Въ концѣ мая надъ Черниговомъ разразилась страшная буря: многія столѣтнія деревья были вырваны съ корнями, крыши со многихъ зданій были сорваны, заборы повалены. Эта буря дала знать себя и новому корпусу семинарскому. Часть крыши была сорвана, стекла въ окнахъ перебиты, — однихъ стеколъ было побито на 100 руб. Послѣ этой бури наступила дождливая погода; сквозь поврежденную крышу вода залила чердачное помѣщеніе и повредила потолокъ: сырость появилась въ потолокахъ и стѣнахъ новаго зданія. Это отразилось на здоровьи нѣкоторыхъ учениковъ, въ томъ числѣ и на моемъ. Послѣ каникулъ съ переходомъ въ послѣдній богословскій классъ я оставилъ общежитіе и занялся по старому репетиторствомъ. Въ богословскомъ классѣ появился у насъ новый учитель Докучаевъ, только что окончившій Дух. Академію. Преподавалъ онъ церковную исторію. Читалъ онъ съ увлеченіемъ и заинтересовалъ насъ своимъ предметомъ. Главный предметъ — догматическое богословіе читалъ Ректоръ, нравственное — Инспекторъ. Преподаваніе шло по печатнымъ руководствамъ: богословіе по учебнику Антонія

(Казанскаго), нравственное богословіе, кажется, по учебнику Соколова. Остальные предметы читали тѣ же учителя, что и въ философскомъ классѣ. Читали они неважно, и отъ преподаванія ихъ мы получали сравнительно малую пользу. Приходилось восполнять недостатокъ познаній чтеніемъ. Слѣдя за уроками, мы въ тоже время не оставляли вниманіемъ и текущей литературы. Познакомились съ журналами: „Современникомъ“, „Временемъ“ въ изданіи Достоевскаго, съ Дарвиномъ („Происхожденіе видовъ“), Миллемъ, Боклемъ („Исторія цивилизаціи въ Англіи“). Изъ русск. литературы намъ извѣстны были сочиненія Л. Н. Толстого, Достоевскаго, Тургенева (Отцы и дѣти) и др. Увлеченіе свѣтской литературой отразилось довольно печально на нѣкоторыхъ изъ насъ. Такъ, весьма даровитый юноша нашего класса Павелъ Рознатовскій замѣченъ былъ начальствомъ въ увлеченіи современной либеральной литературой, долженъ былъ уйти изъ Семинаріи и безвременно погибъ. Еще ранѣе подъ вліяніемъ новыхъ идей вышелъ изъ Семинаріи даровитый юноша Николай Слоницкій, изъ котораго тоже ничего не вышло. Выйдя изъ Семинаріи и подготовившись на свободѣ, онъ поступилъ въ Нѣжинскій лицей. По окончаніи лицея, послѣ кратковременной службы по Министерству Юстиціи, поступилъ въ число присяж. повѣренныхъ Петербургскаго округа, и въ борьбѣ съ нуждой преждевременно погибъ. Занимаясь предметами, проходимыми въ Богословіи, и репетиторствомъ, я въ то же время не переставалъ заниматься подъ руководствомъ Дмитріева живописью и достигъ значительныхъ успѣховъ. Я сталъ мечтать о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ для поступленія въ Академію художествъ. Но учитель мой отсовѣтовалъ отъ этого шага. Появившаяся предъ тѣмъ фотографія, достигшая въ 60-хъ годахъ достаточныхъ успѣховъ, убила въ пуб-

ликъ интересъ къ художественнымъ работамъ масляными красками въ особенности къ портретной живописи, дававшей художникамъ значительный заработокъ. Художники, не обладавшіе выдающимся талантомъ, обречены были на голодную смерть. Все это выставилъ мнѣ Дмитріевъ и убѣдилъ оставить свою мечту. Въ мое время изъ семинаристовъ, обучавшихся у Дмитріева живописи, по своимъ работамъ выдѣлялись я да нѣкій Марченко, старшій меня курсомъ. Работа послѣдняго „Ангель“, копія съ работы извѣстнаго художника Брюлова, при мнѣ украшала семинарскій залъ и должна храниться въ семинарскихъ зданіяхъ. Въ настоящее время дѣло иконописи и вообще занятіе рисованіемъ масляными красками значительно упрощено: масляныя краски въ изготовленномъ видѣ— (въ металлич. флакончикахъ) достать можно легко и не дорого. Въ мое же время краски можно было выписать только изъ Петербурга и притомъ по довольно высокимъ цѣнамъ. Нужный для рисованія холстъ тоже былъ дорогъ и трудно доставаемъ на мѣстѣ. Надо было самому готовить и краски—нужно растирать ихъ на камнѣ—и холстъ. Дмитріевъ и то и другое искусство зналъ и обучилъ и меня: благодаря ему я научился хорошо готовить (тереть) краски и холстъ. На подготовку того и другого уходило много времени и портилась одежда во время работы. Это удерживало нѣкоторыхъ отъ занятій иконописью.—Съ уходомъ Дмитріева обученіе иконописью на время пріостановилось. Съ поступленіемъ моимъ на госуд. службу я забросилъ живопись; тоже случилось и съ Марченкомъ. Года чрезъ два по окончаніи Семинаріи я какъ-то заѣхалъ къ Марченку (онъ священствовалъ въ какомъ-то селѣ Черниговскаго или Нѣжинскаго уѣздовъ) и увидѣлъ, что онъ бросилъ занятіе иконописью и увлекся сельскимъ хозяйствомъ.

Первый годъ моего пребыванія въ богословскомъ классѣ прошелъ для меня довольно благополучно. Но въ началѣ 2-го учебнаго года, въ октябрѣ 1868 года, я заболѣлъ кровохарканьемъ, долженъ былъ лечь въ семинарскую больницу, и докторъ Семинаріи Ходотъ, изслѣдовавъ меня, посовѣтывалъ прекратить учебныя занятія и отправиться на родину—на отдыхъ. Это равнялось тогда обреченію на смерть. Волей неволей я долженъ былъ подчиниться требованію доктора и въ ноябрѣ мѣсяцѣ—въ слякоть долженъ былъ отправиться въ Глуховской у., въ м. Ямполь, къ матери. Не смотря на отвратительную дорогу и погоду, добрался я домой благополучно. Спокойная жизнь и удовлетворительное питаніе—благодарно подѣйствовали на мое здоровье, и я понемногу сталъ поправляться и собираться съ силами и на досугѣ приготавлился къ выпускному экзамену.

Въ концѣ апрѣля я направился обратно въ Черниговъ. Здѣсь въ Семинаріи я нашелъ большія перемѣны. Ректоръ Семинаріи Евгенийъ назначенъ былъ въ Гродно викарнымъ архіереемъ, инспекторъ Модестъ назначенъ ректоромъ Холмской Семинаріи. Во главѣ Семинаріи сталъ и. об. Ректора и инспектора Бѣлоусовичъ. Нѣкоторые изъ преподавателей, знавшіе меня, частью ушли, а частью умерли: появились новыя лица. Надо было усиленно работать, чтобы хорошо зарекомендовать себя. Оказалось, что за отъѣздомъ моимъ изъ Чернигова нѣкоторые изъ лучшихъ учениковъ тоже временно выбыли—кто по болѣзни, кто по семейнымъ обстоятельствамъ. Это отразилось на томъ, что, когда Правленію Семинаріи пришлось рекомендовать своихъ кандидатовъ въ Кіевскую Дух. Академію, оно долго не могло остановиться на комъ-либо. Кончилось тѣмъ, что оно, наконецъ, остановило свой выборъ на ученикѣ Николаѣ Яворскомъ, шедшемъ

у насъ все время первымъ. Правда, онъ не выдавался блестящими способностями, но за то бралъ прилежаніемъ и усидчивостью. Сначала онъ было согласился итти въ Академію, но во время каникулъ раздумалъ (онъ не отличался хорошимъ здоровьемъ) и отказался, и тогда Правленіе, чтобы не терять вакансіи, остановилось на ученикѣ Тарасевичѣ, ничѣмъ ровно не выдѣлявшемся среди насъ. Тарасевичъ былъ принятъ въ Академію, благополучно окончилъ ее и гдѣ-то учительствовалъ на югѣ въ Семинаріи. Я забылъ сказать еще объ одномъ семинарскомъ кандидатѣ въ Академію Ѡ. Россинскомъ. Въ мое время Черниговская Семинарія посылала на казенный счетъ обыкновенно 2-хъ учениковъ. Одного въ первый годъ изъ богословскаго обученія въ Московскую Академію, а другого чрезъ годъ въ Кіевскую. Когда пришлось выбирать кандидата въ Московскую Академію, Правленіе Семинаріи остановилось на Россинскомъ. Съ нимъ поѣхалъ на свой счетъ въ качествѣ волонтера товарищъ И. И. Маковейскій. Изъ нихъ послѣдній по общему отзыву былъ какъ будто болѣе свѣдущій и подходящій для поступленія въ Академію. Но оказалось, что Россинскій выдержалъ вступительный экзамень, а Маковейскій провалился. Россинскій благополучно окончилъ Московскую Академію, былъ назначенъ учителемъ въ Екатеринославскую Семинарію, затѣмъ состоялъ смотрителемъ Бахмутскаго и Екатеринославскаго Дух. Училищъ; по выслугѣ 25-лѣтія въ учебномъ вѣдомствѣ принялъ санъ священства и въ 1904 г. умеръ въ званіи протоіерея въ г. Екатеринославѣ. Маковейскій же остался въ Москвѣ, подготовился и поступилъ въ Московскій Университетъ на юридическ. факультетъ и благополучно окончилъ его. По пріѣздѣ въ Черниговъ я долженъ былъ сдать нѣсколько сочиненій и, кромѣ того, приготовить проповѣдь. Я взялъ текстъ изъ Евангелія:

„Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына и Св. Духа“. Проповѣдь моя была одобрена, и я въ Семинарской церкви произнесъ ее предъ своими товарищами. Въ началѣ іюля или въ концѣ іюня начались выпускные экзамены, и въ концѣ былъ поставленъ главный экзамень по догматическому богословію въ присутствіи архіерея Варлаама. Всѣ экзамены прошли для меня благополучно, и я окончилъ Семинарію съ званіемъ студента. Окончились экзамены; казалось, мы должны были бы радоваться этому,—но чего-то, чувствовалось, не хватало. Не хватало намъ добраго напутственнаго слова, котораго мы ждали и котораго не получили за выбытіемъ ректора и инспектора. Подъ вліяніемъ тяготившаго насъ чувства неудовлетворенности собрались мы въ актывый залъ и здѣсь предъ образомъ, предъ которымъ всегда молились, излили свою скорбь, пропѣвъ съ подъемомъ большого чувства разныя молитвы, а въ концѣ извѣстную молитву ко Пр. Богородицѣ: „Подъ Твою милость прибѣгаемъ!“. Такъ завершилось мое 12-лѣтнее пребываніе въ Черниговскомъ училищѣ и Семинаріи. Много они намъ дали непріятностей, но еще больше радости, и мы съ чувствомъ искренней благодарности къ воспитавшему насъ заведенію оставляли свою Семинарію. Чтобы еще разъ побыть въ своей средѣ, мы устроили въ тотъ же день вечеринку въ одномъ изъ частныхъ садовъ, лежавшихъ въ Березкахъ: пили чай, говорили прощальные тосты, пѣли, бѣгали, шутили и вообще развлекались сообразно своему вкусу и желанію и около полуночи разошлись мирно по квартирамъ, а затѣмъ и разъѣхались. Эти прощальные часы глубоко запали въ душу каждаго изъ насъ, и у меня не изгладились до сихъ поръ, хотя прошло съ тѣхъ поръ свыше 40 лѣтъ.

Какъ относились къ намъ, семинаристамъ, Архіереи и семинарскія власти? Архіереи по тогдашнему обыкно-

венію далеко держали себя отъ семинаристовъ,—являлись къ намъ только въ исключительныхъ рѣдкихъ случаяхъ, напр. на выпускномъ экзаменѣ и т. п. Изъ бывшихъ при мнѣ Черниговскихъ Архіереевъ (Павель, Филареть и Варлаамъ) ближе всѣхъ и проще держался Варлаамъ. Ректоръ Семинаріи Евгеній на видъ былъ строгъ и ученики его побаивались, но въ сердцѣ же былъ добрый и снисходительный къ молодежи, держался просто и пробиралъ провинившагося ученика по преимуществу насмѣшками. Помню такой случай: какъ-то зимой въ морозный день я съ товарищемъ Россинскимъ, съ которымъ жилъ на одной квартирѣ, почему то замѣшались и поздно вышли изъ дому.—Между тѣмъ первый урокъ былъ по богословію, которое преподавалъ Ректоръ. Какъ мы ни спѣшили, все-таки къ началу урока опоздали и пришли въ то время, когда въ классѣ былъ Ректоръ. Узнавъ отъ сторожа объ этомъ, мы помялись у дверей и вошли. Увидя насъ сконфуженными, Ректоръ пріостановилъ чтеніе лекціи, иронически посмотрѣлъ на насъ, когда войдя въ классъ поклонились ему и сѣли на свои мѣста, и сказалъ только: „вотъ и милорды явились“. Намъ оставалось только покраснѣть. Тѣмъ дѣло и кончилось. Почему онъ назвалъ насъ милордами—не знаю, думаю, что къ тому далъ поводъ мой костюмъ. Россинскій былъ въ драповомъ, подбитомъ вѣтромъ, пальто, а я въ длинномъ суконномъ сюртукѣ, носившемъ названіе пальмерстона, по имени одного англійскаго лорда. Инспекторъ Веніаминъ былъ весьма добрый, снисходительный къ ученикамъ; относился къ намъ весьма просто и не прибѣгалъ къ предосудительнымъ мѣрамъ въ наблюдении за нами.—Премникъ его архимандритъ Модестъ былъ человѣкъ иного склада. Родившійся въ Юго-Западной Руси, тамъ воспитавшійся и долго жившій,—былъ отъ природы хитрый.

Прибывъ въ Черниговъ и ознакомившись съ строемъ жизни семинаристовъ, онъ ввелъ было шпионство,—но изъ этого ничего не вышло. Ученики, провѣдавъ объ этомъ, устроили контръ-шпионство, и изъ затѣй инспектора ничего не выходило. Преемникъ его Бѣлоусовичъ былъ человѣкъ прямой, строгій, когда требовала того дисциплина, но въ общемъ благожелателенъ къ ученикамъ; при немъ никто не пострадалъ изъ воспитанниковъ.

Учителя—профессора держались съ учениками просто, нѣкоторые старались сблизиться съ учениками и вліять на нихъ. За все время 6-лѣтней семинарской жизни пострадалъ у насъ только упомянутый выше мой товарищъ Павелъ Разнатовскій. Вообще я лично, да и большинство, полагаю, моихъ товарищей, не можемъ помянуть семинарскаго начальства дурнымъ словомъ.

Въ началѣ сентября мы начали съѣзжаться въ Черниговъ за аттестатами. Собравшись небольшими кучками, стали „товарищей считать“. Оказалось, что въ Кіевскую Академію кромѣ Тарасевича никто не пожелалъ ѣхать, а равнымъ образомъ и въ Петербургскую. Прихода никто не получилъ, да и не могъ получить, потому что намъ было объявлено, что для полученія прихода, необходимо пробыть 3 года учителемъ какой-либо школы или псаломщикомъ, каковымъ названіемъ стали называть прежде бывшихъ дьячковъ. Было такое распоряженіе Архіерея Варлаама, но исходило ли оно лично отъ него или это было послѣдствіе распоряженія свѣше, не знаю. Въ псаломщики никто изъ насъ не хотѣлъ итти; нѣкоторые же успѣли заручиться мѣстами учителей—кто церковно-приходскихъ школъ, кто приходскихъ городскихъ училищъ, а нѣкоторые изъ числа лучшихъ учениковъ—получили мѣста учителей въ дух. мужскихъ училищахъ.—Часть же ушло въ свѣтскія высшія заведенія для про-

долженія образованія; здѣсь же узнали, что насъ Черниговскихъ семинаристовъ, охотно принимаютъ и при томъ безъ всякихъ экзаменовъ въ Нѣжинскій лицей. Такому снисходительному отношенію къ семинаристамъ Черниговской Семинаріи, какъ оказалось, мы были обязаны воспитаннику старшаго выпуска Неговорову, который хорошо зарекомендовалъ себя при занятіяхъ въ лицей и на курсовыхъ экзаменахъ. Я лично не имѣлъ склонности къ священническому сану, къ тому же и состояніе моего здоровья не позволяло добросовѣстно исполнять трудныя обязанности священства. Состояніе же здоровья, недостатокъ средствъ не давали мнѣ возможности подготовиться къ поступленію въ университетъ. Оставалось одно—поступить въ Нѣжинскій лицей, что я въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1869 г. и осуществилъ. Къ тому времени „духовное званіе“, какъ каста, было упразднено, мы всѣ, окончившіе Семинарію получили званіе почетныхъ гражданъ, а дѣти священниковъ и діаконовъ—потомственныхъ почетныхъ гражданъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу выбора занятій: увольняться изъ духовнаго званія, какъ требовалось ранѣе, не нужно было. Я, вмѣстѣ съ товарищами Е. А. Троицкимъ, Н. Е. Томошевскимъ и др., не пожелали идти по проторенному пути и рѣшили еще учиться въ Нѣжинскомъ лицей. Привлекли насъ въ лицей близость Нѣжина отъ родины, дешевизна жизни и легкость поступленія туда. Въ лицей мы нашли своихъ товарищей Н. Г. Яворскаго, Микулинскаго и др. Впрочемъ Яворскій пробылъ въ лицей всего одинъ годъ. Затѣмъ онъ вышелъ изъ лицея, получилъ хорошій урокъ, перешелъ на жительство въ Одессу и поступилъ въ Одесскій университетъ. Первый годъ пребыванія въ лицей былъ тяжелъ для нѣкоторыхъ изъ насъ въ матеріальномъ положеніи. Но все-таки кое-какъ мы пережили. На слѣдующій годъ болѣе нуждающіе-

ся, въ томъ числѣ и я, получили степендію—свыше 100 р. въ годъ, что дало возможность при дешевизнѣ жизни въ Нѣжинѣ благополучно окончить лицей. По окончаніи лица мы разѣхались въ разные концы Россіи и поступили на государственную службу большею частью по Министерству Юстиціи во вновь открытые Окр. Суды. Не имѣя никакого понятія объ условіяхъ чиновнической жизни и службы, на первыхъ порахъ намъ тяжело было служить, подвигаться по іерархической служебной лѣстницѣ. Но терпѣніе, выносливость, честность, прямота пути и вдумчивое отношеніе къ возложеннымъ на насъ обязанностямъ преодолѣли трудности службы... Правда, никто изъ моихъ товарищей, въ томъ числѣ, разумѣется, и я, не достигъ высокаго служебнаго положенія и не приобрѣлъ учено-литературной извѣстности, но тѣмъ не менѣе большинство изъ насъ достигло почетнаго и обеспеченнаго положенія и во всякомъ случаѣ не опозорило воспитавшей насъ Черниговской Семинаріи ¹⁾.

Г. Б.

¹⁾ Авторъ настоящей статьи состоялъ членомъ, а потомъ товарищемъ предсѣдателя Окружнаго суда въ г. Луцкѣ; по выслугѣ лѣтъ, въ чинѣ д. с. с. вышелъ въ отставку и нынѣ проживаетъ въ своемъ имѣніи (хут. Черняковъ) въ Волынской. губ.

Прим. Ред.

